

И. Т. Касавин

Миграция и истоки креативности познания

Исследование креативного измерения познания в рамках психологии творчества исходят в лучшем случае из взаимосвязи современного типа сознания, деятельности и общения, ограничивая генетический подход изучением онтогенеза человека (психики ребенка). Далее продвигаются исторические исследования науки и в особенности — историческая культурология, исходящая из результатов и методов социальной антропологии, психолингвистики и социальной психологии. В рамках последнего подхода я попробую проанализировать возможности возникновения современного сознания с присущей ему креативной установкой, придавая особое значение факту миграции древнего человека. Моя рабочая гипотеза состоит в том, что реальная миграция человеческих популяций запустила эволюционный механизм, приведший к возникновению кроманьонца. Эта же миграция зафиксировалась затем в качестве архетипа в структуре деятельности и общения более поздних поколений, ведущих оседлый образ жизни. Одновременно с этим миграция определила структуру специфической познавательной установки, связанной с постоянным стремлением к выходу за пределы данного. Тем самым творчество может быть понято как “повторение миграции”, т.е. прошедший многообразные трансформации процесс реальной миграции, а образ миграции становится “инобытием”, т.е. метафорой творческого процесса. Здесь как нельзя более рельефно выявляется взаимодействие донаучных факторов при формировании познавательной установки, а также и возможность понимания науки как формы воплощения данного архетипа.

1. Палеоантропологические гипотезы

В 1971 году американские антропологи Филипп Либерман и Эдмунд Крелин, анализируя ископаемые черепа неандертальцев, выдвинули гипотезу о возникновении высокого свода глотки как условия эволюции от неандертальца к кроманьонцу. Развитие звуковой речи в этом случае является мощным фактором эволюции, поскольку оно предполагает наличие звуковой глотки, что в свою очередь обеспечивает современную форму черепа. Ученые проследили развитие голосового аппарата у младенцев, у которых в момент рождения еще нет настоящей глотки. Новорожденный кричит, не задействуя языка и глотки, только за счет высокой гортани, которая устроена так, чтобы он мог сосать и дышать одновременно без угрозы подавиться. Но поэтому он и не в состоянии произносить большое количество звуков. Сходное устройство черепа у неандертальцев из Ла Шапель-о-Сен давало им лишь 10% речевых способностей современного человека; поэтому они были неспособны артикулировать такие гласные как **а, о, у, и**, а также согласные **г, к** (только звуки типа **э, ы, ыэ, ыа**: *Lieberman Ph., Crelin E. On the speech of Neanderthal Man. Linguistic Inquiry. V. 2. № 2. 1971*).

Американский антрополог Дэвид Пилбим, развивая эту гипотезу, логически реконструировал цепь изменений, способных привести к современному человеческому черепу лишь на основе соответствующей эволюции глотки. У младенца глотка обретает свою окончательную форму на третьем месяце, в результате чего гортань с голосовыми связками опускается ниже, а почти плоское основание черепа выгибается. Благодаря этому перед первым позвонком образуется глоточное пространство, сводом которого служит выгиб основания черепа. Образование такого выгиба в процессе эволюции вело к укорачиванию основания черепа, что в случае длинного и низкого черепа неандертальца могло привести к тому, что лицевая часть перестала выдаваться вперед, как раньше. А когда лицо подалось вовнутрь, то черепная коробка, чтобы вмещать как минимум прежнее количество мозговой ткани, должна была стать выше. При этом лоб и боковые стенки черепа обрели вертикальность. По мнению Пилбима, неандертальский череп и череп современного человека – это просто разные способы упаковки одного и того же количества мозговой ткани, определяемые длиной основания черепа (см.: *Констэбл Дж. Неандертальцы. М., 1978. С. 132*). В этом случае кроманьонцы обладали более

развитой речью, и следовательно, дополнительными возможностями коммуникации и тем самым были в состоянии строить более сложные общественные структуры в условиях практически равной биологической приспособленности. Важно, что развитие голосовой глотки, в отличие от других органов (носов, зубов, челюстей) могло происходить достаточно быстро. И одновременно это давало дополнительные импульсы для усложнения и развития мозга, что в свою очередь являлось условием развития речи, влиявшего на изменение формы черепа. (Следы перехода от неандертальской к кроманьонской глотке могут быть обнаружены в процессе возникновения письменности древних языков. Некоторые древние языки (например, древнееврейский) не имеют букв для обозначения гласных звуков, которые выражаются в письме огласовками; они же в свою очередь ранее могли предполагать нейтральное звучание, ограниченное гласными **ы** и **э**. Система огласовок сохранилась и до сих пор, хотя уже сорок тысячелетий человек способен произносить все известные гласные звуки).

Существуют гипотезы, исходящие не из развития языка, но совершенствования орудий труда. Такова, например, гипотеза о влиянии изменения челюстей, ранее используемых в качестве орудия, на эволюцию черепа. По мнению Лоринга Брейса, массивные челюсти неандертальца требуют более массивных оснований черепа и надглазных валиков, что в свою очередь меньше места оставляет для мозга и соответствует плоскому черепу. На зубах неандертальцев замечены, к примеру, микроскопические царапины, идущие по диагонали слева сверху направо вниз. Это, по всей видимости, царапины от каменного ножа, которым отрезали кусок кожи или мяса, держа нож в правой руке и зажимая разрезаемое в зубах и левой руке. Совершенствование каменных орудий (переход от мустьерского к мадленскому методу — от 220 к 2500 см рабочего края на килограмм камня) уже не требует использования зубов: острый нож режет с меньшим усилием. Это приводит к соответствующему уменьшению зубов и далее челюстей, лицевых костей и других особенностей черепа (*Brace C.L. Ridiculed, Rejected, but still our ancestor, Neandertal, Natural history, May, 1968*). Эта гипотеза дает дополнительные основания для понимания возникновения сознания и языка: необходимость дифференциации функций левой и правой руки связана, по-видимому, с соответствующей асимметрией мозга, ответственной за сложность мозговых и психических процессов современного человека.

2. Механизм положительной обратной связи

И развитие языка, и совершенствование каменных орудий происходило, согласно палеоантропологическим данным, если и не внезапно, то по крайней мере, достаточно быстро. Так, раскопки обнаруживают на рубеже верхнего и среднего палеолита стерильные слои, не содержащие признаков человека. И если у неандертальцев не находят следов развития искусства и религии (за исключением погребальных церемоний), а совершенствование орудий происходит чрезвычайно постепенно, то после короткого перерыва в несколько тысячелетий у кроманьонцев обнаруживается и резьба по кости, и принципиально новые, совершенные способы обработки камня, и магически-религиозные культы, и живопись и многое другое. Если мы ограничимся установлением двух цепочек обратной связи: “сознание — язык — глотка” и “сознание — асимметрия мозга — совершенствование орудий”, то останется все же неясным, что именно запустило этот циклический механизм. Поэтому возникает необходимость в нахождении чудесного фермента, который спровоцировал столь динамичное развитие.

Известно, что эпоха последнего оледенения, закончилась около 38 тыс. лет до н.э. Этим же временем датируется примерно исчезновение неандертальцев и появление современного человека. Мы не будем обсуждать вопрос о том, развился ли кроманьонец непосредственно из неандертальца или был иным подвидом человека разумного, а также другие частные гипотезы. Нас интересует более общая проблема, связанная с возникновением человеческого сознания современного типа, которое отсутствовало у предшественников кроманьонца. При этом приходится признать, что объем черепа или мозга, примерно равный у неандертальца и кроманьонца, не играет особенной роли. Могли ли играть роль другие факторы, скажем, изменение климата?

Ученые связывают появление непосредственных предшественников неандертальцев с рисским оледенением 200 тыс. лет до н.э., которое потребовало от *Homo erectus* новых орудий и навыков, новых форм общения. Неандертальцы также успешно прошли “испытание холодом” во время вюрмского оледенения, и было бы странным предполагать их неспособность приспособиться к более теплomu климату — ведь не мамонты же они в самом деле! Впрочем, человеку к нему и приспособливаться уже не надо, поскольку неандертальцы, как современный человек, обладали практически безволосой кожей и при-

мерно тем же количеством потовых желез. Только при одном условии — если он не встречается с конкуренцией со стороны других людей, и ранее живших в относительно теплом климате. Холодный климат резко сужал возможности общения, поскольку устройство вместительных теплых убежищ было невозможно. Люди могли жить лишь небольшими семьями, межплеменные браки были редкостью, сложные охотничьи мероприятия и постоянный обмен опытом, широкая торговля и миграции были также неосуществимы. Именно такая ситуация сложилась в Западной Европе, где поэтому и не обнаруживают признаков постепенного перехода от неандертальца к кроманьонцу. Здесь последние должны были выступить в качестве захватчиков с Востока, вытеснивших неандертальцев из благоприятной экологической ниши и способствовавших их исчезновению. Однако каким же образом восточный неандерталец превратился в кроманьонца за столь короткий (5–10 тыс. лет) промежуток времени?

Если перейти в область гипотез и аналогий, которые себе не позволяют палеонтропологи, то получится следующая картина. Для дальнейших предположений мы располагаем по крайней мере тремя основаниями. Во-первых, указанием на то, что популяция западно-европейских неандертальцев не развилась в кроманьонцев, как это было возможно на Ближнем Востоке, в Африке и в Восточной Европе. Во-вторых, гипотезой о роли развития голосового аппарата в эволюции восточных неандертальцев, и в-третьих, аналогичной гипотезой о совершенствовании каменных орудий. При этом ясно, что второе и третье основание не сыграло своей роли именно в условиях Западной Европы, где оледенение было наиболее сильным. Тем самым первое основание оказывается необходимым, а второе и третье — достаточными условиями прихода кроманьонцев с Юга и Востока.

Итак, зона умеренного климата, в которой человек должен был постоянно мигрировать в южном направлении за стадами животных, оказалась наиболее благоприятной для развития человека в условиях, когда именно охота, а не земледелие (как позже, в цивилизациях Ближнего Востока и Греции) представляла собой наиболее развитый способ коллективной деятельности.

Далее, к этому времени человеческие популяции размножились в благоприятных условиях в таком количестве и приобрели такое разнообразие, что вопросом стало не только выживание в противоборстве с природой, но и конкуренция между популяциями и племенами. Без этого допущения становится непонятной и неоправданной миграция восточных кроманьонцев в Западную Европу примерно 35 тыс. лет до н.э., где подобная конкуренция привела к исчезнове-

нию западноевропейских неандертальцев. Развитие человека, таким образом, получало существенно новые и мощные стимулы: люди осваивали новые территории, приобретали принципиально иной коллективный опыт, активно соперничали, возникал обмен опытом между племенами и популяциями. При том, что к этому времени поддержка старых и больных соплеменников сделалась нормой общежития, условия кочевой жизни давали все же определенный простор действию естественного отбора, благодаря чему биологическая эволюция могла идти более динамично, чем при оседлом образе жизни.

Вернемся теперь к двум цепочкам обратной связи, о которых шла речь выше: “сознание — язык — глотка” и “сознание — асимметрия мозга — совершенствование орудий”. В первом случае биологическая эволюция голосовой глотки дает принципиально новые возможности для развития языка и общения, а последнее стимулирует изменение голосового аппарата и формы черепа. Если не привлекать дополнительных гипотез о неожиданных мутациях, то вхождение в этот круг будет возможным лишь со стороны развития общения и речи. А именно они-то и стали необходимыми в условиях постоянной миграции и конкуренции, в которых жили эволюционирующие неандертальцы. К цепочке “сознание — асимметрия мозга — совершенствование орудий” применим тот же подход, а именно, со стороны развития орудийной деятельности, независимые источники которой обнаруживаются в той же миграции и конкуренции. Именно они могли обеспечить потребность в новой оружии и инструментах в условиях недостатка камня, неисследованной территории и враждебного окружения. И они же создавали возможности принципиально нового развития способов создания орудий, снабжая дополнительными знаниями о структуре камня, использовании техники тонкой отделки режущего края. Не лишне подчеркнуть, что и развитие голосовой глотки, и появление мадленского способа обработки камня происходило невероятно быстро. И вовсе не само по себе вюрмское оледенение спровоцировало их, но **реакция на его особенности в разных регионах со стороны разных популяций неандертальцев**, которые уже обладали определенными биологическими возможностями для выработки различных способов поведения и общения.

Завершая этот краткий экскурс в палеоантропологические истоки сознания современного типа, необходимо зафиксировать те его эволюционно успешные характеристики, которые обеспечили выживание и последующее развитие кроманьонца. Это, прежде всего, **восприимчивость к иному**, позволившая не только приспособливаться к новым условиям, но в большей степени перестраивать самого себя,

впитывая и внутренне перерабатывая чужой опыт. И во-вторых, это **ощущение своей самости**, питавшее его самосохранение как подвида, не позволяющее ему раствориться в чуждом окружении, но напротив, ориентирующее его (пусть во многом иллюзорно) на трансформацию внешней реальности, на использование ее в качестве средства собственной деятельности. Внимание и любопытство всегда соседствовало у кроманьонца с целеустремленностью и упрямством, что сделало из него настоящего путешественника и бойца. Таким образом сформировался Homo sapiens creativus – новый подвид человека разумного.

3. Общение и образ мира: животное и человек

Исследования в рамках зоопсихологии и этологии, связанные с описанием и анализом поведения высших животных (см., например: *Wilson E. Sociobiology*. Belknap Press. Cambr., L., 1975. 697 p.), приводят к выводу, что семиотически окрашенная деятельность и в частности такая сложная процедура, как построение картины мира, не является безусловной прерогативой человека. Медведи, волки, лисы помечают своими выделениями пределы охотничьих владений, оставляют следы, клочки шерсти и царапины, демонстрирующие его рост и силу, половую принадлежность и возраст. Они также “читают” знаки, оставленные другими животными, и реагируют на них. Данная реакция может носить как непосредственный (страх, злость, возбуждение, любопытство), так и опосредованный характер, в котором заметны элементы психического торможения. Так, царапины от когтей на деревьях, величина следов, цвет оставленной шерсти тщательно изучаются, и лишь затем выбирается способ действия в зависимости от оценки данного животного (как потенциального противника, коллеги, полового партнера или добычи), а иногда и вопреки ему. Как свидетельствуют натуралисты, изучавшие поведение медведей, молодой недоморок может выказать презрение к знакам, оставленным матерым самцом, хотя будет удирать со всех ног при его приближении.

В данном языке обнаруживаются явные следы ориентировочной деятельности, предполагающей элементы животного сознания. В мире животного происходит определенное знаковое опредмечивание сознания; игнорирование этого обстоятельства и рассматривание психики животного как чистого эпифеномена деятельности приводит к бихевиоризму. Было бы чистым заблуждением интерпретировать эти действия таким образом; они являются не только следованием ин

стинкту, но и очевидно связаны с определенными психологическими процедурами и образами, которые непрерывно корректируются. Знак не отождествляется с самим животным. Можно сказать, что оставляемые животными знаки имеют не только значение, но и смысл, т.е. абстрактное, непосредственно не связанное с данным животным содержание. Более того, эти действия не носят и чисто инструментального характера, но обнаруживают черты абстрактного семиотического мышления, предполагающего интерпретацию и оценку знаковых обозначений.

Тем самым окружающей природе придают свойственные данному животному черты: на ландшафт и флору накладывается, так сказать, матрица фауны. Природа “оживотворяется” и “одомашнивается” уже на уровне ее овладения животными. Язык животного, который предписывается природе, имеет как рестриктивные, так и дескриптивные характеристики, но при этом он целиком и полностью “экологичен”, подчинен системе поведения данного вида в рамках известной экологической ниши.

Если анализировать социальную семиотику, изобретаемую первобытным человеком, то в ней обнаружит себя мощно растущая тенденция к разнообразию реакций на устанавливаемые обозначения. Отчасти это могло быть вызвано тем, что первыми собственно социальными знаковыми актами стали табу, резко порывающие с рядом природных предрасположенностей и законов. И напротив, табу оказались единственно возможной формой регуляции поведения, поскольку оно носило достаточно разнообразный характер, в то время как нормотворчество вступало лишь в первую фазу своего развития. Антропологи иногда подчеркивают исключительную подчиненность психики индивида первобытного общества коллективным формам сознания, на чем, в частности, основана действенность магии. Однако существует множество свидетельств, в том числе запечатленных в мифах, успешного и безнаказанного нарушения коллективных норм поведения. Это касается, прежде всего, деятельности основоположников тех или иных культов или верований, т.н. “небесных героев” в терминологии австралийских аборигенов. Характерно, что большое число первобытных мифов построено именно на нарушении “небесным героем” запретов инцеста, убийства кровного родственника, воровства, а вовсе не на “положительных нравственных примерах”, как выразились бы мы. Таковы, скажем, три наиболее типичных мифа южноавстралийских аборигенов, приводимых А.Элкиным (*Элкин А. Австралийские аборигены // Магический кристалл. Магия глазами ученых и чародеев. М., 1992. С. 146–149).*

Деятельность “небесных героев”, объясняя возникновение созвездий, земного ландшафта, природных явлений и социальных установлений, носит тем самым мирообразующий характер и сама не подвержена оценке с точки зрения норм человеческого поведения. Она лишь задает пределы мира, но сама находится за его границами. Поэтому приобщение к мифу в рамках священного праздника или инициации вовсе не сводится к тому, что сегодня называют “обучением”. В мифе человек вступает в одушевленную и родственную ему картину мира, позволяющую воспроизводить себя на тех же условиях, на которых это делали его предки. Древние люди эпохи собирательства, пишет австралийский антрополог Элкин, “не могут приспособиться к природе, подчинив ее с помощью прикладной науки, поскольку они знают очень немного о законах природы. Более того, они осознают, что не способны ни взять под контроль случайности жизни, ни сохранить регулярный и обычный порядок смены времен года и обеспечить плодородие с помощью своих навыков и умений. Однако у них есть альтернатива, спасающая их от беспомощности и апатии, я имею в виду взгляд на природу как на систему личностных сил и существ, которые могут быть включены в нравственный и социальный строй и о которых аборигены, как члены общества, могут иметь сокровенное знание” (*Элкин А.* Австралийские аборигены. С. 151).

Понятие о “небесных героях”, тотемических предках или богах позволяет человеку очертить некоторый локальный мир, в рамках которого он строит затем позитивную онтологию. “Одушевление” природы человеком есть перенесение на нее тех свойств, которыми сам реально не обладает; миф делает понятной мир не тем, что объясняет его структуру саму по себе, но тем, что содержит в свернутом виде проблемные парадигмы – варианты решения социально значимых проблем сакральными субъектами. Именно к этому сводится создание генеалогий и жизнеописаний путешествий и приключений богов и героев – культурных ресурсов первобытного человека, дающих пищу их духовной жизни.

Адаптационный смысл этой процедуры невозможно переоценить – социально-иллюзорная картина мира обладает мощным историческим зарядом и позволяет не только справляться с наличными проблемами, но и протягивать нить своего бытия в будущее, даже если само понятие о нем не сформировано и в зародыше. Вернее, оно существует в превращенной форме – как невероятная и не поддающаяся этнографическому объяснению беззаботность древнего человека, живущего, словно во сне, в плену уверенности, что завтра непременно наступит. Забавный пример такого рода наивности мы обнаружи-

ваем в знаменитом эпосе о Гайавате в обработке Лонгфелло, где мудрый и прозорливый индейский вождь не позаботился о достаточных зимних запасах, что привело к вымиранию племени. Неверие в неизбежность смерти у нуэров, считающих ее причиной зловредное колдовство, — из того же ряда явлений. Ибо очевидно, что осознание будущего вообще, как абстрактное понятие, непосредственно предполагает осознание индивидом своей собственной смерти, отсутствия своего личного будущего.

4. Культ иллюзии и опыт миграции

Мифологический культ иллюзии является важнейшей культурной новацией еще и потому, что сопровождается феноменом “продленного детства”, тесно связанный с возрастающей важностью обучения и культурной трансляции вообще. Уже в животном мире мы наблюдаем удлинение срока детства у детенышей высших животных по сравнению с примитивными — рыбы не знают своих родителей, а шимпанзе только к четырем годам независим от матери в питании и передвижении. Социобиологи считают, что одно из важнейших отличий человека — “взаимный альтруизм”, являющийся основой бартера и экономики. Несколько изменяя классификацию Е. Уилсона, я бы сказал, что первой формой бартера явился обмен мяса (охотники-мужчины) на растительную пищу (собиратели-женщины), второй — обмен между детьми и родителями (продленное детство и культ стариков) и третьей — обмен женщинами (патриархальное общество) в форме сложных правил экзогамного брака. Полагают, что вторая форма обмена сложилась лишь к тому моменту, когда оседлое существование сделало возможным выживание слабых членов племени. Однако здесь возникает одна гипотеза, позволяющая снизить важность фактора оседлого существования, если не вообще обесценить его. Именно эта гипотеза дополняет анализ вопроса о запуске цепочек обратной связи, обсуждаемый выше.

Кроманьонца, как мы помним, характеризует короткое основание черепа, связанное с его удлиненной формой и голосовой глоткой. Такую форму череп мог приобрести, кроме всего прочего, в результате высокой адаптивной ценности женщин с относительно узким тазом и тем самым способным к длительным переходам, которые в свою очередь были возможны только в условиях умеренного климата. (Заметим в скобках, что известная особенность женского организма задерживать месячные при изменении ритма жизни или обстанов-

ки, в частности, при переездах, является лишь одним из многих аргументов в пользу нашей гипотезы). Западноевропейские неандертальцы приспособились к оседлости в результате похолодания, когда переходы были невозможны, что позволяло женщинам сохранять относительно широкий таз, оказавшийся неудобным в условиях миграции. Родовые травмы у детей женщин-мигранток с узким тазом могли сыграть роль мощного эволюционного фактора и привести к появлению кроманьонца именно у постоянно мигрирующих человеческих популяций. В этом случае приходится предположить и то, что продленное детство сделала возможным не столько оседлость сама по себе, сколько определенная социальная организация мигрантов.

Необходимость повышенной дисциплины в пути, постоянное изменение обстановки приводит к увеличению зависимости детей от родителей и их более тесному, чем при оседлом образе жизни, общению. На это накладывается различие в восприятии времени в ходе оседлого и стабильного существования, с одной стороны, и путешествия в неизвестных и изменчивых условиях — с другой. Развивая выводы Э.Эванс-Причарда из анализа мировоззрения нуэров (*Эванс-Причард Э. Нуэры. М., 1985*), мы уже писали об удлинении пространства и замедлении времени как фактора путешествия и приключения. Обилие новых впечатлений и переживаний резко увеличивают обычную вместимость времени в процессе путешествия в неизвестность, и оно оказывается более длительным. Удлинение времени осуществляется также и благодаря трудности и рискованности путешествия. Указание на это мы обнаруживаем в русских народных сказках, где Иван-царевич должен износить железные сапоги, стереть железный посох и сгрызть железный каравай в поисках суженой за тремя морями, а возвращение домой происходит за три дня. Бежавшие из Египта евреи странствуют в поисках земли обетованной сорок лет; такой длительный срок ученичества предназначен для того, чтобы забыть чужих богов и сформировать собственные социальные структуры. Одним из следствий миграционного образа жизни является образ абстрактного невидимого бога: мигрирующая популяция не может привязать своего бога к конкретному месту, наделить его специфическими функциями и видимым обликом; суровость и агрессивность ветхозаветного Яхве вполне гармонирует с задачами поддержания дорожной дисциплины, постоянной боеготовности и неслияния с окружающими народами.

Миф как интеллектуальная структура, задающая правила обычного поведения в стандартных обстоятельствах, принимает в сознании мигрирующей популяции противоречивые черты. Миграцион-

ное существование образует известное противоречие с продлением срока детства и ученичества, и это противоречие находит свое разрешение в библейской мифологии с помощью идеи Бога. Подобное разрешение находят и другие противоречия “миграционной идеологии”. Скажем, такой общенеобходимый запрет, как табу инцеста, может в порядке исключения утратить свое значение, мешая задаче самосохранения племени. Дочери Лота не могли искать мужей в чужом племени (в полном отличии от греков с их похищением сабинянок) и пошли на грех кровосмешения со своим отцом, а Яхве ничего не возымел против, хотя именно за сексуальные грехи и поразил огнем Содом и Гоморру.

Можно сказать, что тем самым сформировались два измерения мифа, соответствующие двум образам жизни – оседлый и миграционный. Стабильный опыт в рамках локального этнического и природного мира объясняет обычные и циклически повторяющиеся феномены – структуру Космоса, смену времен года, происхождение ландшафта и животно-растительного мира, истоки социальных установлений. Он сосуществует в мифе с динамическим опытом, содержащим в себе тайну единения с недостижимым образцом, трансцендентное и космополитическое начало. Динамический опыт оказывается социальным воплощением пограничных явлений, таких как природный катаклизм, болезнь, смерть или любое рискованное предприятие, связанное с ощущением страха и экстремального напряжения жизненных сил. Оптимически-иллюзорный характер динамического опыта создает психологическое пространство, в котором индивид трансформирует самого себя в условиях невозможности трансформировать неподатливую и враждебную реальность.

Таким образом миф взял на себя функцию трансляции культуры по двум главным направлениям. Первое – через повседневное общение со старшими – состояло в подключении к практическому опыту, носящему регулярный характер и связанному с воспроизводством заимствованных от предков обычаев и менталитета. Второе измерение отправлялось от экстраординарных и уникальных событий и соединяло индивида – через шамана и других служителей культа – с сакральными образцами культурной памяти, располагающимися на границе известного и неведомого, дозволенного и запретного, реального и воображаемого. Магическое лечение, инициации, погребальные церемонии в той или иной мере представляли собой реализации изначального пра-события, послужившего колыбелью человеческому роду, – путешествия и приключения. Этот феномен сыграл роль не столько механизма накопления и передачи культурного опыта, сколь-

ко традиции неортодоксального, девиантного поведения, прорывающего границы достигнутого. Идея “пути” как руководимого собственной волей движения за пределы, задаваемые непосредственным окружением, получила развитие в многочисленных религиозных, мистических, магических и философских учениях, начиная с иудаизма и индуизма и кончая даосизмом, алхимией и каббалой.

Задолго до того, как великие синтетические цивилизации Ближнего Востока соединили в своих мифах и религиозных культах элементы стабильного и динамического опыта, которые с известными поправками реализовались в публичном религиозном культе, с одной стороны, и в тайной магической деятельности — с другой, они воплотились в двух типах лидера и учителя — старейшины и шамана. Возвращаясь к роли, которую сыграло развитие языка в появлении современного человека, мы вынуждены придать особое значение очевидной перестройке процесса обучения и воспитания, сопутствующей этому процессу.

5. Лингвистические коды

Английский ученый Б.Бернстайн (*Bernstein B. Linguistic Codes, Hesitation Phenomena and Intelligence / Language & Speech, V. 5. № 1. P. 31–46. 1962*) описывает два основных типа языковой коммуникации как два лингвистических кода: ограниченный и разработанный, различие которых обусловлено отнесенностью к социальному контексту их изобретения и использования. Поскольку обобщения Бернстайна есть результат его изучения процессов воспитания и обучения, то и примеры он черпает из этой области. В данном случае он обращается к процедурам семейного контроля через язык, и примером ограниченного кода служат рабочие и аристократические семьи.

Так, ограниченный код характеризуется выбором из малого количества строго связанных альтернатив и глубокой укорененностью в непосредственной социальной структуре. Утверждения в рамках этого кода имеют двойную функцию: они содержат информацию и выражают, поддерживают социальную структуру, причем вторая доминирует. Невысокая сложность социальной матрицы обуславливает комплексность роли субъекта, принимающего решение, а это, в свою очередь позволяет сохранять имплицитность коммуникации. К примеру, когда родители убеждают ребенка пойти спать, они исполь-

зуют следующие тексты: “В 9 часов все дети уже спят”; “Если не пойдешь спать, то будешь наказан”; “Когда родители тебе говорят, ты обязан слушаться” и т.п. Налицо апелляция к социальной структуре (ребенок – взрослый), к системе ролей (дети больше спят), к распределению власти (дети подчиняются взрослым), безличность коммуникации (дети вообще, родители вообще, наказание вообще). Напротив, разработанный код свойствен языковому контролю в рамках семей среднего класса. Здесь говорящий выбирает из большого набора подвижно организованных синтаксических альтернатив. Речь требует сложного планирования. Это позволяет говорящему эксплицитно выражать свои интенции, прояснить общие принципы. В рамках этого кода происходит постепенное освобождение от функции поддержки социальной структуры и переключение на организацию мыслительного процесса, разделение и комбинирование идей. Большая сложность и дифференцированность социальной матрицы и ролей принимающих решения ведет к разделению труда и в рамках языка, требованию экспликации каналов коммуникации.

Так, в уже указанной ситуации тексты будут существенно отличаться: “Ты растешь и больше меня нуждаешься в сне, поэтому пора спать”; “Если ты не пойдешь спать, то огорчишь маму”; “Чтобы завтра в школе внимательно слушать учителя, надо отдохнуть”; “Не пойдешь спать, тогда пропустишь самый интересный сон” и т.п. Здесь налицо стремление аргументировать со ссылкой на способность рационального понимания или эмоционального сопереживания, подчеркивается личностный характер коммуникации (с мамой, с учителем), необходимость личного решения (относительно школы, здоровья, интересного сна). М.Дуглас (*Natural symbols*, L., 1970. P. 29) выражает идеи Бернштейна в схеме, соответствующей ее методу *group-grid analysis* (см. приложение 1).

Эта схема позволяет рельефно описать тот процесс, который характеризовал изменение системы воспитания и обучения в контексте миграции первобытного человека как движение из группы А в группу В (аналогичным образом динамика творчества будет описываться как переход из группы С в группу D). Языковое поведение в рамках группы А осуществляется в условиях тотального господства социума над личностью, индивид растворен в группе и черпает ресурсы деятельности и мышления исключительно из непосредственного окружения. При этом жесткость групповой структуры сама отражает привязанность к неизменно экологической нише. Здесь процесс адаптации как бы завершился на некотором оптимальном уровне, а риск неудачи при освоении другого окружения слишком высок. За

дача воспитания и образования сводится здесь к тому, чтобы ребенок усвоил традиционные ценности и знания, которые делают его частью группы и опорой социального порядка, позволяющего существовать в известном окружении. Это своего рода простое воспроизведение элемента структуры ею самой, успешность которого оценивается по степени освоения ребенком социального ритуала. Всякая девиация не просто отбрасывается, она не замечается или воспринимается как нечто абсолютно чуждое. Воспитание осуществляется стихийно, только процедура экзамена является элементом социальной структуры.

Это соответствует тому, что нам известно о первобытных обществах оседлого типа, сохранившихся до наших дней (австралийские бушмены, африканские пигмеи). Языковое поведение в группе В также достаточно жестко увязано с социальной структурой, именно по отношению к ней определяются приоритеты и грехи индивида, понятие роли и доминирование общества над личностью обуславливает деятельность и поведение. Но здесь уже возникает в некоторой негативной форме представление об индивиде, как образ “аномалии, принимаемой всерьез”, как некоторого зла, являющегося неудобным элементом самого общества. Так, понятия истины и долга необходимо включают самоопределение человека по отношению к социальным ценностям и процедурам их применения. Для индивида становится важной его собственная самооценка применительно к требованиям социума, а не только решение коллектива. Субъект овладевает техникой внутреннего диалога и получает известную свободу выбора в рамках легитимированных социальных ролей. Общественное давление частично высвобождается из подсознания и становится более явным, внутренне структурированным. В этой связи воспитание начинает осуществляться частично с помощью разработанного лингвистического кода, хотя и сохраняет позиционные (социально-структурные) ориентиры.

Во-первых, возникает система воспитания и обучения, объемлющая собой весь процесс взросления и социально легитимизирующая отмеченный выше феномен продленного детства. Во-вторых, приобщение к социальным стандартам теперь уже не исчерпывается знакомством с рецептами поведения, но включает их проговаривание в форме некоторой риторики. В-третьих, функции социальной структуры не сводятся к печатанию своих частей, но направлены на удержание субъекта от неправильных действий в условиях изменяющегося окружения (табу). И в-четвертых, языковое поведение не просто надстраивается над известной социальной структурой как ее выражение и поддержка, но начинает выполнять функцию адаптации этой структуры в условиях меняющегося мира, хотя принципиальный

примат социума над индивидом не ставится под вопрос. Переход из группы А в группу В характеризует, таким образом, трансформацию первобытного стада в родо-племенное общество.

Если быть точным, описанный нами процесс вовсе не есть первая историческая миграция человека, это, скорее, уже третье “повторение” изначального и весьма отдаленного от нас во времени движения *Homo erectus* (человека прямоходящего) в его различных формах (питекантропа, синантропа, яванского человека и др.) из праисторического “тропического коридора” в области с более холодным климатом. Начало формирования неандертальца в эпоху оледенения более 100 тыс. лет до н.э. — продукт второй исторической миграции. С возникновением *Homo sapiens* (человека разумного) миграционный архетип все более и более служит построению иных уровней деятельности, общения и сознания. Его различные вариации можно представить как тот тип языкового поведения, который сам Бернстайн не описывает — это *движение* из одного лингвистического кода в другой. Так, к примеру, онтология нововременной науки с ее противопоставлением субъекта — объекту, сущности — явлению, внутреннего — внешнему, общего — частному и т.п. в значительной мере выводится из типа языкового поведения, характеризующего лингвистическим кодом типа С. Если мы представили бы себе, какие трансформации претерпевает лингвистический код при переходе из группы С в группу В и назад, понятом как процесс *социально-языковой миграции*, то мы бы и получили, по-видимому, основные понятия научной онтологии Нового времени.

Заключительные замечания

Образ творчества как флуктуации между двумя известными состояниями (оседлым и миграционным опытом, разными лингвистическими кодами, разными структурами пространства и времени и т.п.) еще не выходит за пределы модели “черного ящика”, вход и выход которого известны, но содержание абсолютно непостижимо. Для преодоления данной неполноты нужно сосредоточиться на описании деталей данного перехода, понятого как процесс “переписывания текста” в условиях “индивидуальной культурной лаборатории”. Это, однако, уже тема дальнейшего исследования.

Приложение 1

СХЕМА Б.БЕРНСТАЙНА-М.ДУГЛАС
Система семейного контроля

Основания типологии:

1. основные ценности
2. основные грехи
3. идея личности
4. тип языкового поведения

А

Социально ограниченный код

С

1. пиетизм, честь (уважение ролей)
2. формальное нарушение социальных предписаний
3. самость, пассивный недифференцированный элемент в структурном окружении
4. примитивный: структурные надстрой ки над социальными категориями, люди как карточные аллегорические фигуры

2. преступления против личности, гордыня, жестокость, разочарование
3. внутренне дифференцированный субъект, стремящийся к контролю неструктурированного окружения
4. романтический: торжество индивида над структурой (спасение, внезапная короткая радость и т.п.)

1. искренность, аутентичность
позиционное

измерение

личностное

1. истина, долг
2. неспособность соответствовать требованиям социальной структуры
3. активный субъект, внутренне дифференцированный, соответствие роли
4. профессиональный: преодоление заботы с помощью техники и материалов творческого процесса

1. личный успех, действия на благо человечества
2. обобщенная вина, индивидуальная и коллективная
3. субъект в одиночестве
4. классический: торжество структуры над индивидом

В

Разработанный код

D